

900 ДНЕЙ И НОЧЕЙ

ДА, 900 ДНЕЙ И 900 НОЧЕЙ! О блокаде Ленинграда написано много книг, созданы документальные и художественные фильмы, но разве можно передать то что пришлось пережить жителям нашего великого города.

Вот и я уже старый человек, хотя прошло сорок лет со дня снятия блокады, не могу без большого волнения и буквально «с комком в горле» смотреть фильмы, читать книги или вспоминать эти героические, полные жизненного оптимизма, но трагические дни.

У каждого, кто пережил блокаду, есть свои личные воспоминания. Дни и факты, которые нельзя забыть. У каждого была своя судьба, но у всех ленинградцев было и общее – борьба за победу, борьба за жизнь. Город жил, город воевал! Город стоял насмерть и выстоял!

Шел 1941 год. Мы, трое спортсменов – горнолыжников, задумали сделать скоростной спуск на лыжах с Эльбруса. Но грозное, зловещее слово «война» перекинула все наши мечты и планы.

С первого же дня Великой Отечественной весь народ готов был встать на защиту Родины. Мне не повезло: ни в народные ополчения, ни в истребительный батальон, ни в группу, забрасываемую на самолете в тыл врага, меня не зачислили. Необходимо было работать на заводе, чтобы обеспечить выпуск новой продукции и быстро провести эвакуацию оборудования и людей на восток страны. Работали, не читаясь со временем. Строили оборонительные сооружения. В августе с нашего предприятия ушел последний девятый эшелон. Мы, сравнительно небольшой коллектив, остались уже в блокадном Ленинграде, продолжая выпускать столь необходимое для фронта оружие.

Помню свое боевое крещение. Было это 8 сентября 1941 года, в день рождения моей матери. Собрались, чтобы отметить эту дату. Случилось так,

что именно в этот день начались интенсивные бомбежки города, были разбиты и горели Бадаевские склады.

Мы сидели за скромным праздничным столом, как вдруг раздался сигнал: «Воздушная тревога». Отнеслись к этому спокойно, но через несколько минут нам было уже не до праздника. Тяжелая фугасная бомба ударилась в соседний дом и «вынесла» целый корпус на набережную Невы. Следующие бомбы разорвались на Марсовом поле и где-то дальше. Мы бросились на улицу чтобы оказать помощь людям, засыпанным обломками разрушенного дома. Увы, почти все, кто в это время находился в квартирах, погибли.

НАСТУПИЛИ ТЯЖЕЛЫЕ дни блокады. Ленинградцы работали, не покладая рук. Даже во время воздушных тревог, когда над головой гудели моторы фашистских самолетов, а с крыши нашего завода била противовоздушная батарея, люди отказывались спускаться в бомбоубежище. Никто не думал о своей жизни.

Никогда не забуду такой эпизод. Был прекрасный воскресный осенний день. Мне, как начальнику участка, разрешили отпустить домой несколько человек, чтобы они могли хоть немного отдохнуть. Ведь большинство были женщины. Особенно самоотверженно работавшей девушке – Наде Редькиной, которой не было и семнадцати лет, я предложил уйти домой в первую очередь. Она отказалась, через пол часа я опять посоветовал ей отдохнуть. Девушка снова категорически отказалась. Через некоторое время начался артиллерийский обстрел. Один из снарядов разорвался на территории заводов и осколок размозжил Наде лицо. До сих пор думаю, уйдя она домой – этой трагедии не случилось бы.

Сколько прекрасных людей погибло тогда на глазах, и ни чем нельзя было им помочь. А нужен был только хлеб... Это было в самые тяжелые месяцы конца 41-го и первой половины 42-го года.

Я и сам-то еле ходил, но не на один день не оставлял работу. Когда не было электроэнергии и в цехах завода замирало замерзшее оборудование, мы

все равно выполняли необходимые для фронт заказы. Ни голод, ни холод, ни бомбежки и артобстрелы не могли сломить волю защитников Ленинграда! Самое страшное – это голод. А во всех остальных случаях ты мог рассчитывать, что эта бомба или снаряд не для тебя. Но голод – совсем другое дело. Ты чувствуешь, как в прошлом сильный и здоровый человек, медленно и неизбежно угасаешь. Становится трудно двигаться, работать, думать. Тебе снится кусок хлеба и мечтаешь о куске жмыха. Выдаваемый скудный паек делишь на несколько частей, и нужно напрячь волю, чтобы, умирая от истощения, не съесть то, что предназначено на завтра.

НО КАКИЕ БЫЛИ в нашем городе люди! Мы ни на минуту не сомневались, что победим, хотя фашистские листовки предлагали нам сдаться, и немцы были уверены, что Ленинград будет задушен блокадой. В «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина упоминается фашистский профессор Цигельмайер, один из ведущих ученых в области питания. Во время войны он давал советы гитлеровскому генеральному штабу, как уморить голодом Ленинград. Фашисты знали, сколько в городе осталось продовольствия, и делали расчеты, в какие сроки все вымрут.

Случилось так, что после войны Цигельмайеру довелось встретиться с нашими специалистами. Он изумился: «Как вы выдержали? Это совершенно невозможно. Я писал справку, что люди на таком пайке не могут жить, а по этому, не следует рисковать жизнью немецких солдат. Ленинградцы сами умрут... Я не понимаю, что за чудо у вас там произошло?»

Да, по расчетам фашистов, жители нашего города должны, обязаны были умереть, а они, вопреки всему, продолжали жить, они работали, защищали свой город, проводили спортивные соревнования, слушали музыку и смотрели пьесы.

Помню один трагический случай. Возвращаясь по невскому льду с работы, обессиленный, я подошел к спуску, чтобы подняться на набережную Невы, но сделав несколько попыток, понял, что мне этот скользкий подъем

не преодолеть. За день, каждый, кто брал воду из проруби, выплеснул на спуск хотя бы несколько капель.

Я выбился из сил. Кругом не души. Стало ясно, скорее всего я замерзну. Был прекрасный мартовский вечер. Заходящее солнце багровым цветом освещало Неву и Петропавловскую крепость, мороз был около тридцати градусов. Мне, альпинисту, горнолыжнику, спускавшемуся до войны с гор Кавказа вместе с Виталием Абалаковым, эта смерть казалась особенно бессмысленной. От полного бессилия выступили слезы.

И мне повезло. Через некоторое время, проходящие по льду Невы моряки на руках вынесли меня на набережную, напротив входа в Дом ученых имени Горького. Сейчас, когда мне приходится бывать в доме ученых, я всегда вспоминаю этот роковой вечер.

НАСТУПИЛ 1943 ГОД. Прибавили пайки. Народ ожил. Ждали прорыва блокады. И вот наступил незабываемый день – 18 января 1943 года. Прорыв блокады открывал нам надежную дорогу на большую землю. Он, если говорить чисто по-человечески, окончательно укрепил нашу уверенность в том, что победим.

Прибавили хлеба. Лучше стали отваривать карточки. Мы, ленинградцы, старались отдать все свои силы и время для выполнения заказов фронта. Кроме основной работы, у нас были и другие обязанности.

В 1942 году были созданы рабочие батальоны внутренней обороны города. И на ГОМЗе (ныне ЛОМО) были сформированы 22-й рабочий батальон. Я был назначен командиром первой роты. Поле работы проходило военное обучение. На случай штурма Ленинграда был подготовлен рубеж обороны в районе Мечниковской больницы. Здесь были созданы укрепленные точки, а окна зданий превращены в амбразуры.

Да, тяжелое было время. Помню, смотрю на себя и на бойцов роты, людей истощенных и уже обессиленных, но веры не теряю, твердо знаю, что мы сделаем все, что сможем. Если придется, то все погибнем, но назад не

будет сделано не шага. Как права была Ольга Берггольц, а ее стихи знали не только ленинградцы, но и вся страна.

**Я говорю, нас, граждан
Ленинграда,
Не поколеблет грохот
Кононад.
И если завтра будут
Баррикады,
Мы не покинем
Наших бррикад...**

Шло время, Фашистские орды несли поражение за поражением. Ленинградцы, как и все советские люди, ликовали! Приблизился 1944 год. В один из январских дней 1944 года меня вызвал к себе парторг ЦК КПСС Петр Трофимович Максимовский и сказал: «Сережа, собирайся на соревнования по лыжам, ты ведь у нас спортсмен-разрядник, не раз отстаивал честь завода на первенствах города». – «Какие соревнования? Где?» - Удивился я. Он мне ответил, что получено предложение отправить в город Ижевск на всесоюзные соревнования по лыжам команду в составе трех мужчин и двух девушек. Пусть все знают, что Ленинград живет, борется, трудится и даже участвует в спортивных состязаниях. Ехали мы в Ижевск одним из поездов, обеспечивающих регулярное сообщение осажденного города с Большой землей. Свет в нем не зажигали – война ещё не окончилась. В соседнем купе с нами ехал начальник политотдела Казанской железной дороги. Он был потрясен всем что видел и что услышал о Ленинграде. Всю дорогу шли разговоры только о блокаде. Его интересовало все. Тогда я припомнил еще один эпизод.

Это было 14 февраля 1943 года. Начался очередной обстрел завода. Была подана команда спускаться в бомбоубежище. Но в нашем помещении так хорошо топились «буржуйка» и поджаривался блокадный хлеб, что

решили остаться на местах и продолжать работу. Один из снарядов разорвался совсем близко, полетели стекла. Тут же рухнула часть потолка, и мы увидели, как он прогибается, как лопаются лучинки, державшие штукатурку. Получив в институте артиллерийское образование, я понял, что это снаряд затяжного действия. Значит через несколько секунд он взорвется. Конец... Но взрыва не последовало, оказалось, что не сработал взрыватель. Сегодня этот 306-мелетровый артиллерийский снаряд находится в Музее истории Ленинграда.

Поезд шел, а мы все говорили. Вспоминали не только тяготы и лишения, но и события жизни, которая в Ленинграде не прерывалась в самое тяжелое время. Как забыть исполнение в филармонии 7-й симфонии Д. Д. Шостаковича, работу театров и домов культуры, где шли пьесы «Нашествие», «Гусарская баллада», устраивались концерты К. И. Шульженко. Правда, не редко из-за обстрелов и бомбежек приходилось прерывать выступления.

В ИЖЕВСКЕ, куда съехались команды Москвы, Новосибирска, Горького, Свердловска и других городов, нас встретили восторженно, но подвергли обследованию специально созданной медицинской комиссии. И все-таки допустили: мужчин на 10 км, женщин на 5 км.

Перед соревнованиями на одной из вечерних тренировок мы пошли к лыжне, что бы опробовать, какая должна быть мазь и хотя бы немного отработать технику бега. Вдруг ужасно захотелось есть. Неподалеку увидели домик со светящимся окном. Решили свернуть и попытаться купить что-либо съестное. Дверь, когда мы постучали, довольно не приветливо открыл седой дед. Мы обратились со своей просьбой. Он чуть нас не выгнал, но когда моя попутчица сказала, что я из блокадного Ленинграда, старичок буквально преобразился. Сначала он не поверил, что из фронтового города приехали на соревнования по лыжам. Потом он не знал, куда нас усадить. Принес крынку молока и отварную картошку. Извинялся, что мало хлеба. Предложенные за

еду деньги воспринял как оскорбление. Поэтому факту можно судить, как переживала вся страна за судьбу Ленинграда.

Настал день соревнований. Когда диктор объявил: «На старт выходит команда Ленинграда», масса людей, присутствовавших при этом – и зрителей и участников соревнований, - встретили это сообщение криками «Ура!». Все волновались, пройдем ли мы дистанцию? Все кончилось благополучно: сойти мы не имели права. В итоге мы заняли седьмое место.

Во время пребывания в Ижевске пришлось много выступать – на заводах, в Доме культуры, по радио. Все хотели услышать о блокаде, о героизме Ленинграда от непосредственных участников этих исторических событий. Здесь мы на личном опыте убедились, что такое сила и сплоченность советского народа!

ТЯЖЕЛО ПОГРУЖАТЬСЯ в воспоминания о прошлом, особенно о трудных блокадных годах. Но они постоянно напоминают о себе. Вот и сейчас, у меня дома, на самом видном месте - сделанный мной в миниатюре мемориал. На черном стекле лужи алой крови, и на ней осколок блокадного снаряда и кусочек жмыха. Справа плита выгравированной золотой надписью: «Никто не забыт, и, ничто не забыло». Медаль с изображением Пискаревского кладбища. Из розового мрамора колонна, на ней скульптура «Победа», по обок, как два часовых, крупнокалиберные пулеметные патроны. Рядом с надписью «900 дней блокады Ленинграда» - выше приведенный отрывок из стихотворения О. Ф. Берггольц. Тут же красный цветок. На стене – брошюра полковника Н. Петрова « Как уничтожать врага, ворвавшегося в город», изданная в Ленинграде в 1941 году.

Меня спрашивают: зачем это вам? И я отвечаю: нельзя забыть то героическое время! Его не забудут не только ленинградцы-блокадники, но и все, кто перенес тяготы в военных точках. Наша Родина понесла самые большие материальные и людские потери из всех воюющих стран. Из 20 миллионов советских людей, погибших во Второй мировой войны на долю Ленинграда приходится почти миллион.

Вот почему ленинградцы заявляют решительное «нет!». Зловещим замыслом империалистов наш народ полон решимости сделать все, чтобы отвести угрозу войны, сохранить мир для будущих и грядущих поколений.

Дорогая молодежь! В дни 40-летия освобождения Ленинграда от вражеской блокады пойдите к памятникам погибших, склоните головы, и почтите минутой молчания о тех, кто отдал свою жизнь за победу, за ваше счастье. Там лежат настоящие герои!

С. Митрофанов

*Профессор, доктор технических наук, заведующий кафедрой, лауреат ленинской премии
№ 4 (1169) Среда, 1 февраля 1984 г.*